

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Парижские тайны. В. Г. Белинский

История европейских литератур, особенно в последнее время, представляет много примеров блистательного успеха, каким увенчивались некоторые писатели или некоторые сочинения. Кому не памятно то время, когда, например, вся Англия нарасхват разбирала поэмы Байрона и романы Вальтера Скотта, так что издание нового творения каждого из этих писателей расходилось в несколько дней, в числе не одной тысячи экземпляров. Подобный успех очень понятен: кроме того, что Байрон и Вальтер Скотт были великие поэты, они проложили еще совершенно новые пути в искусстве, создали новые роды его, дали ему новое содержание; каждый из них был коломбом в сфере искусства, и изумленная Европа на всех парусах мчалась в новооткрытые ими материи мира творчества, богатые и чудные не менее Америки. Итак, в этом не было ничего удивительного. Не удивительно также и то, что подобным успехом, хотя и мгновенным, пользовались таланты обыкновенные: у толпы должны быть свои гении, как у человечества есть свои. Так, во Франции, в последнее время реставрации, выступила, под знаменем романтизма, на сцену литературы целая фаланга писателей средней величины, в которых толпа увидела своих гениев. Их читала и им удивлялась вся Франция, а за нею, как водится, и вся Европа. Роман Гюго «Notre Dame de Paris» [1] имел успех, каким бы должны пользоваться только величайшие произведения величайших гениев, приходящих в мир с живым глаголом обновления и возрождения. Но вот едва прошло каких-нибудь четырнадцать лет – и на этот роман уже все смотрят, как на *tour de force* [2] таланта замечательного, но чисто внешнего и эффектного, как на плод фантазии сильной и пламенной, но не дружной с творческим разумом, как на произведение ярко блестящее, но натянутое, все составленное из преувеличений, все наполненное не картинами действительности, но картинами исключений, уродливое без величия, огромное без стройности и гармонии, болезненное и нелепое. Многие теперь о нем даже совсем никак не думают, и никто не хлопочет извлечь его из Леты, на глубоком дне которой покоится оно сном сладким и непробудным. И такая участь постигла лучшее создание Виктора Гюго, *si-devant* [3] мирового гения: стало быть, о судьбе всех других, и особенно последних его произведений, нечего и говорить. Вся слава этого писателя, недавно столь громадная и всемирная, теперь легко может уместиться в ореховой скорлупе. {1} Давно ли повести Бальзака, эти картины салонного быта, с их тридцатилетними женщинами, были причиной общего восторга, предметом всех разговоров? давно ли ими щеголяли наши русские журналы? Три раза весь читающий мир жадно читал, или, лучше сказать, пожирал историю «Одного из тринадцати», думая видеть в ней «Илиаду» новейшей общественности? А теперь, у кого станет отваги и терпения, чтоб вновь перечитать эти три длинные сказки? Мы не хотим этим сказать, чтоб теперь ничего хорошего нельзя было найти в сочинениях Бальзака или чтоб это был человек бездарный: напротив, и теперь в его повестях можно найти много красот, но временных и относительных; у него был талант и даже замечательный, но талант для известного времени. Время это прошло, и талант забыт, – и теперь той же самой толпе, которая от него с ума сходила, нимало нет нужды, не только существует ли он нынче, но и был ли когда-нибудь. {2}

При всем том, едва ли какая-нибудь эпоха какой-нибудь литературы представляет пример успеха сколько-нибудь подобного тому, каким увенчались в наши дни пресловутые «Les Mysteres de Paris». [4] Мы не будем говорить о том, что этот роман, или, лучше сказать, эта европейская шехеразада, являвшаяся клочками в фельетоне ежедневной газеты, занимала публику Парижа, следовательно, и публику всего мира, где получают французские газеты (а где же они не получают?), – ни того, что по выходе этого романа отдельным изданием, он в короткое время был расхвачан, прочитан, перечитан, зачитан, растрепан и затерт на всех концах земли, где только говорят на французском языке (а где не говорят на нем?), переведен на все европейские языки, возбудил множество толков, еще более нелитературных, нежели сколько литературных, и породил великое желание подражать ему, – ни того, что в Париже готовится новое великолепное издание его с картинками работы лучших рисовальщиков. Все это, в наше время, еще не мерка истинного, действительного успеха. В наше время объем гения, таланта, учености, красоты, добродетели, а следовательно и успеха, который в наш век считается выше гения, таланта, учености, красоты и добродетели, – этот объем легко измеряется одною мерою, которая условливает собою и заключает в себе все другие: это – ДЕНЬГИ. В наше время, тот не гений, не знание, не красота и не добродетель, кто не нажил и не разбогател. В прежние добродушные и невежественные времена гений оканчивал свое великое поприще или на костре, или в богадельне, если не в доме

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

умалишенных; ученость умирала голодной смертью; добродетель имела одну участь с гением, а красота считалась опасным даром природы. Теперь не то: теперь все эти качества иногда трудно начинают свое поприще, зато хорошо оканчивают его: сухие, тоненькие, бледные смолоду, они, в лета опытной возмужалости, толстые, жирные, краснощекие, гордо и беспечно покоятся на мешках с золотом. Сначала они бывают и мизантропами, и байронистами, а потом делаются мещанами, довольными собою и миром. Жюль Жанен начал свое поприще «Мертвым ослом и гильотинированною женщиною», а оканчивает его продажными фельетонами в «Journal des Debats», в котором основал себе доходную лавку похвал и браней, продающихся с молотка. Эжен Сю, в начале своего поприща, смотрел на жизнь и человечество сквозь очки черного цвета и старался выказываться принадлежащим к сатанинской школе литературы: тогда он был не богат. Теперь он принялся за мораль, потому что разбогател... Кроме большой суммы, полученной за «Парижские тайны», новый журналист, желающий поднять свой журнал, предлагает автору «Парижских тайн» сто тысяч франков за его новый роман, который еще не написан... Вот это успех! И кто хочет превзойти Эжена Сю в гениальности, тот должен написать роман, за который журналист дал бы двести тысяч франков: тогда всякий, даже неумеющий читать, но умеющий считать, поймет, что новый романист ровно вдвое гениальнее Эжена Сю... Эстетическая критика, как видите, очень простая: всякий русский подрядчик с бородкою и счетами в руках может быть величайшим критиком нашего времени...

Кажется, вопрос о «Парижских тайнах» решился бы этим и коротко и удовлетворительно; но, верные нашим убеждениям, которые для всех, обладающих значительным капиталом нравственности людей, могут почестся предубеждениями, – мы хотим взглянуть на «Парижские тайны» с другой точки и померять их другим аршином, кроме их успеха, то есть, кроме заплаченных за них денег. Это мы считаем даже нашею обязанностью, потому что «Парижские тайны» имели большой успех и в России, как и везде. Благодаря хорошему, хотя и неполному, переводу Г. Строева, с этим романом теперь может познакомиться и та часть русской публики, которая не может читать иностранные произведения в оригинале. О «Парижских тайнах» говорят и толкуют у нас и в провинции, а некоторые столичные журналы отпускают прегромкие фразы о гениальности Эжена Сю и бессмертии его «Парижских тайн», оставляя, впрочем, для своей публики непроницаемую тайною причины такой гениальности и такого бессмертия. {3} В свое время мы уже сказали наше мнение и в отделе «Иностранной словесности» представили мнение одного из лучших современных критиков во Франции о «Парижских тайнах». {4} Этого было бы и довольно; но могли ли мы тогда думать, чтоб «Парижские тайны» до такой степени могли заинтересовать русскую публику? Говорить же о предметах общего интереса – дело журнала. Итак, будем еще говорить о «Парижских тайнах».

Основная мысль этого романа истинна и благородна. Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою – на порок и преступления. Не знаем, заставила ли эта картина, которую автор нарисовал как умел, заставила ли она содрогнуться это общество среди его торговых и промышленных оргий; но знаем, что она раздражила это общество, – и оно обвинило автора – в безнравственности! В наше время слова «нравственность» и «безнравственность» сделались очень гибкими, и их теперь легко прилагать по произволу к чему вам угодно. Посмотрите, например, на этого господина, который с таким достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее в себя столько слез и крови беззащитной невинности – этого господина, на лице которого выражается такое довольство самим собою, что вы не можете не убедиться с первого взгляда в полноте его глубоких сундуков, схоронивших в себе и безвозмездный труд бедняка, и законное наследство сироты. Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о нравственности и с особенною строгостию судит молодежь за ее безнравственность, состоящую в неуважении к заслуженным (то есть разбогатевшим) людям, и за ее вольнодумство, заключающееся в том, что она не хочет верить словам, неподтвержденным делами. Таких примеров можно найти тысячи, и нимало не удивительно, что в наше время являются люди, которые Сократа называют надувальною, мошенником и опасным для нравственности юношества безумцем. {5} К особенной черте характера нашего времени принадлежит то, что за всякую правду, за всякое благородное движение, за всякий честный поступок, непосредственно и фактически объясняющий значение нравственности и неумышленно обличающий развратных моралистов, вас сейчас назовут безнравственным. Этим ужасным словом встречен был в Париже и роман Эжена Сю: значит, автор достиг своей цели, – письмо его дошло по адресу... «Парижские тайны» даже подали повод к административным прениям в палате депутатов: таков был успех этого романа...

Чтоб для большинства русской публики сделать понятнее чрезвычайный успех «Парижских тайн», надо объяснить местные и исторические причины такого успеха. Причины эти принадлежат теперь истории; о них перестала говорить политика: следовательно, они сделались уже предметом исторической критики. Королевскими повелениями в 1830 году была изменена французская хартия; рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партией среднего сословия (bourgeoisie). Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые нисколько не делали его счастливее и, следовательно, так же мало касались его, как и вопрос о здоровье китайского богдыхана. Сражаясь отдельными массами из-за баррикад, без общего плана, без знамени, без предводителей, едва зная против кого и совсем не зная за кого и за что, народ тщетно посылал к представителям нации, недавно заседавшим в абонированной камере: этим представителям было не до того; они чуть не прятались по погребам, бледные, трепещущие. Когда дело было кончено ревностью слепого народа, представители выползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который в безумной ревности лил свою кровь за слово, за пустой звук, которого значения сам не понимал, что же выиграл себе этот народ? – Увы! тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего. А между тем вся эта историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа! Аристократия пала окончательно; мещанство твердою ногою стало на ее место, наследовав ее преимущества, но не наследовав ее образованности, изящных форм ее жизни, ее кровного презрения, высокомерного великодушия и тщеславной щедрости к народу. Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник, с этой платы, берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою, в холодном подвале, или на холодном чердаке, с женою, с детьми, дрожащими от стужи, не евшими уже три дня, будто легче так: умирать с хартиєю, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует?.. – Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники – люди прозаически положительные. Их любимое правило: всякий у себя и для себя. Они хотят быть правы по закону гражданскому и не хотят слышать о законах человечества и нравственности. Они честно платят работнику ими же назначенную плату, и если этой платы недостаточно для спасения его с семейством от голодной смерти, и он, с отчаяния, делается вором или убийцею, – их совесть спокойна – ведь они по закону правы! Аристократия так не рассуждает: она великодушна даже по тщеславию, по принятому обычаю. По тому же самому она всегда любила ум, талант, науку и искусство и гордилась тем, что покровительствовала им. Мещанство современной Франции подражает аристократии только в роскоши и тщеславии, которые у него проявляются грубо и пошло, как у Мольерова мещанина во дворянстве (bourgeois-gentilhomme). И вот за кого народ жертвовал своею жизнью! По французской хартии, избирателем и кандидатом может быть только собственник, который с своей недвижимости платит подати не менее четырехсот франков в год. Следовательно, вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единою каплею крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал. У нас в России, где выражение «умереть с голода» употребляется как гипербола, потому что в России не только трудолюбивому бедняку, но и отъявленному лентяю-нищему нет решительно никакой возможности умереть с голода, – у нас в России, не все поверят без труда, что в Англии и во Франции голодная смерть, для бедных, самое возможное и нисколько не необыкновенное дело. Несколько недель, два-три месяца болезни или недостатка в работе, – и бедный пролетарий должен умереть с семейством, если не прибегнет к преступлению, которое должно повести его на гильотину. Вот почему мы и распространились об этом предмете, так тесно связанном с содержанием «Парижских тайн». Бедствия народа в Париже выше всякой меры, превосходят самые смелые выдумки фантазии.

Но искры добра еще не погасли во Франции – они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ – дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтоб воспользоваться некупленным теплом. В народе уже быстро развивается образование, и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждою, ни образом жизни. Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: {7} это люди, которые слили с его судьбою свои обеты и надежды, и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег. Многие из них, пользуясь европейскою известностью, как люди ученые и литераторы, имея все средства стоять на первом плане конституционного рынка, живут и трудятся в добровольной и честной бедности. Их добросовестный и энергический голос страшен продавцам, покупателям и акционерам администрации, – и этот голос, возвышаясь за бедный обманутый народ, раздается в ушах административных антрепренеров, как звук трубы судной. Стоны народа, передаваемые этим голосом во всеуслышание, будят общественное мнение и потому тревожат спекулянтов власти. С этими честными голосами раздаются другие, более многочисленные, которые в заступничестве за народ видят верную спекуляцию на власть, надежное средство к низвержению министерства и занятию его места. Таким образом народ сделался во Франции вопросом общественным, политическим и административным. Понятно, что в такое время не может не иметь успеха литературное произведение, героем которого является народ. И надо удивляться, как дух спекуляции, обладающий французскою литературою, не догадался ранее схватиться за этот неисчерпаемый источник верного дохода!..

Эжен Сю был этим счастливецом, которому первому вошло в голову сделать выгодную литературную спекуляцию на имя народа. Эжен Сю не принадлежит к числу тех немногих литераторов французских, которые, махнув рукою на мерзость запустения общественной нравственности, добровольно отказались от настоящего и обрекли себя бескорыстному служению будущего, которого, вероятно, им не дожждаться, но которого приближению они же содействовали. Нет, Эжен Сю – человек положительный, вполне сочувствующий материальному духу современной Франции. Правда, некогда он хотел играть роль Байрона и кривлялся в сатанинских романах, вроде «Атар-Гюля», «Хитано», «Крао»; но это оттого, что тогда книгопродавцы и журналисты еще не бегали за ним с мешками золота в руках. Сверх того, мода на поддельный байронизм уже прошла, да и лета Эжена Сю давно уже должны были сделать его благоразумным и заставить его сойти с ходуль. Он всегда был добрым малым, и только прикидывался демоном средней руки, а теперь он – добрый малый вполне, без всяких претензий, почтенный мещанин в полном смысле слова, филлистер конституционно-мещанской гражданственности, и если б мог попасть в депутаты, был бы именно таким депутатом, каких нужно теперь хартии. Изображая французский народ в своем романе, Эжен Сю смотрит на него как истинный мещанин (bourgeois), смотрит на него очень просто – как на голодную, оборванную чернь, невежеством и нищетою осужденную на преступления. Он не знает ни истинных пороков, ни истинных добродетелей народа, не подозревает, что у него есть будущее, которого уже нет у торжествующей и преобладающей партии, потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности. Эжен Сю сочувствует бедствиям народа: зачем отнимать у него благородную способность сострадания, – тем более, что она обещала ему такие верные барыши? но как сочувствует – это другой вопрос. Он желал бы, чтоб народ не бедствовал и, перестав быть голодною, оборванною и частью, поневоле преступною чернью, сделался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мещане, теперешние фабриканты законов во Франции, оставались бы попрежнему господами Франции, образованнейшим сословием спекулянтов. Эжен Сю показывает в своем романе, как иногда сами законы французские бессознательно покровительствуют разврату и преступлению. И, надо сказать, он показывает это очень ловко и убедительно; но он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества. Чтоб показать, как Эжен Сю обнаруживает невольное покровительство некоторых французских законов и самого судебного порядка пороку и преступлению, выписываем из романа небольшой отрывок. Сцена в тюрьме; один из преступников говорит с своею сестрою, которая пришла навестить его:

«– Ну, сестрица Анна, не ребячься, – сказал он, – мы не видались шестнадцать

лет; если ты будешь закрывать лицо платком, так мы не узнаем друг друга...

– Брат! бедный брат! Как ты опять попал в тюрьму?

– Что ж делать?.. Когда меня выпустили из галер, я везде просил работы, никто не захотел принять меня... Я умел только делать фокусы, чего вовсе не нужно в маленьком городке, куда меня сослали на житье... Я пробираюсь в Париж; на дороге мне захотелось есть... я украл...

– Молчи!.. – сказала Анна, опасаясь, что сторож услышит опасное признание брата.

– Не беспокойся! Я был пойман с поличным и во всем признался; все кончено...

– Боже мой! ты говоришь это так хладнокровно...

– Если я буду говорить горячекровно, что выиграю?.. Адвокат сказал мне, что меня пошлют лет на двадцать на галеры...

– Да ты там умрешь, ты такой слабый!..

– Ничего! Мне хочется посмотреть море! Притом же, по слабости моей, меня употребят на какую-нибудь легкую работу... Я буду рассказывать сказки и заставлю начальников любить меня, а товарищей – уважать меня... Ба! да ты и сама, судя по твоему платью, едешь не в карете... А что твои дети, муж?

– О! не говори мне о нем... Вот уж три года, как он бросил меня с детьми, обобрал все имение и продал...

– Бедная сестра! как же ты жила с тремя детьми?

– Я работала у бахромщика; соседки стерегли моих детей; я начинала богатеть, добрые благодетели наградили меня милостями; старшая дочь помогала мне... У меня уж было спрятано тридцать пять франков, как вдруг муж возвратился... Он отнял у меня деньги, поселился у нас, не работал, напивался всякий день и бил меня, когда я жаловалась.

– Подлец!

– Этого мало: он привел с собою свою приятельницу, и ее надобно было терпеть!.. Мало-помалу он начал продавать наши мебели... Предвидя разорение, я пошла к адвокату посоветоваться и спросить, как остановить мужа...

– Да ты просто бы выгнала его!

– Хорошо, да я не имела права!.. Адвокат сказал мне, что муж может располагать имуществом жены и ничего не делать; что это несчастье, которому следует покориться; что присутствие его приятельницы дает мне право требовать развода и раздела... но что на развод надобно четыреста или пятьсот франков... а я в год столько не наживу!.. Где занять столько денег?

– Да, – прервал Пик-Винегр с негодованием, – французское правосудие слишком дорого для бедняков. Вот ты моришь себя трудами для воспитания детей, а муж тебя бьет и грабит; ты просишь защиты у закона, а подьячие тебе отвечают: вы правы, муж ваш подлец, вас избавят от него, только пожалуйте пятьсот франков!..

· · · · ·

– Послушай, – продолжал Пик-Винегр, – обращаясь к сестре, – зачем же ты не прятала деньги от мужа?

– Я прятала, да он так меня бил, что я была принуждена уступить ему... не из боли, а потому что я говорила себе: если он избьет меня так, что мне нельзя будет работать, если переломит мне руку, кто станет ходить за моими детьми, кормить их?.. Если меня отвезут в больницу, они в это время умрут с голоду!.. Вот почему я отдавала деньги мужу, только бы уцелеть и работать!..

– Бедная женщина!..

– А однакож я никогда никому не делала зла; я хотела только работать, угождать мужу и ходить за детьми... Как быть!.. На свете есть счастливы и несчастные, как есть добрые и злые!

– Да и добрые-то удивительно как счастливы!.. Наконец избавилась ли ты от мужа?

– Он ушел, продав мою кровать и колыбели моих детей!.. Один раз он сказал мне: «У нас дочь красавица; глупо не пользоваться ее красотой!»

– А! продав мебель, он хотел продать и детей!

– Когда он это сказал, я вышла из себя, мои упреки заставили его покраснеть... Он прибил меня, ушел, и с тех пор я больше не видела его... Теперь я спокойна!.. Одно мучит меня: я не могу помочь тебе, братец, однакож постараюсь...

– Ба! ты думаешь, что я соглашусь принять твою помощь? Напротив, я буду собирать деньги с заключенных за мои сказки; а если они не дадут, так ничего не услышат... А ты между тем работай, трудись: когда ты опять наживешь что-нибудь, муж придет, ограбит тебя снова... да, пожалуй, продаст и дочь, как продал кровати...

– О! нет! он скорее убьет меня!

– Тебя-то он не убьет, а ее продаст... Ведь адвокат сказал, что муж твой – хозяин в доме, пока вас не разделят, а на раздел надобно пятьсот франков!.. У тебя нет пятисот франков, так отдавай мужу все... и дочь! Он поведет ее куда захочет...

– Боже мой! Если такая низость возможна, где же правосудие?

– французское правосудие, как говядина... слишком дорого для бедных! – закричал Пик-Винегр с громким хохотом. – Если нужно послать в тюрьму или на галеры, так

это делается даром!.. Если нужно отрезать голову... это тоже даром... Но если нужно оградить честную женщину от мужа-грабителя, который хочет и может продать дочь, так правосудие стоит пятьсот франков!.. Ну, бедная Анна, обойдись без него!

– О! твои слова поселяют смерть в душе моей!..

– Да и у меня смерть в душе, как я подумаю о твоей участи... об участи твоего семейства... я вижу, что не могу помочь тебе... я всегда смеюсь... но у меня два смеха: смех веселый и смех печальный... У меня нет ни духу, ни силы быть злым, сердитым или мстительным... Я всегда рассказываю истории, в которых злодеи получают достойное наказание... У меня есть одна повесть: Грингале и Резака, которую я расскажу сегодня вечером и напишу для твоих детей; это их позабавит...» (Ч. 7-я, стр. 65–67.)

А вот и еще рассказ той же самой Анны, которую читатель встречает уже в больнице и от которой он узнает конец ее истории с мужем и дочерью:

«– Мой муж был добрый ремесленник, потом расстроился... бросил меня с детьми, продав все, что у нас было. Я работала, добрые люди помогали мне; я поправлялась, как вдруг явился муж мой с какой-то женщиной и отнял у меня последнее.

– И вы не могли остановить его?

– Надобно было разводиться по закону, а французский закон слишком дорог для бедных людей!.. Вот что случилось: назад тому три дня я сидела с детьми и работала... входит муж. По лицу его я увидела, что он пьян... Я пришел за Катериной, говорит он. Я тотчас обняла дочь и отвечала ему: «Куда поведешь ее?» – «Не твое дело; она моя дочь и должна идти за мной». Вся кровь бросилась мне в голову; я знаю, что та женщина, которая приходила к нам с моим мужем, давно подбивает его на черное дело...

– О! какое чудовище!

– «Не отдам дочери, – кричала я Дюпору: – я знаю, что вы хотите с ней сделать!»

– «Не упрячься или я убью тебя», – отвечал он; губы его побледнели от гнева, Катерина с плачем бросилась ко мне на шею и кричала: «я хочу остаться у маменьки!..» Дюпор взбесился, вырвал у меня дочь, ударил меня ногой в грудь, я упала... О! он, верно, не поступил бы так дурно со мною, если б был не пьян...

– Какой злодей!

– Он бил меня ногами... ругал меня... Дети бросились на колена просить за меня... Тут он, как бешеный, сказал дочери: «Ступай за мною, или я непременно убью мать!» Кровь текла у меня горлом... я не могла двинуться, но все еще кричала Катерине: «Не уходи; лучше пусть убьет меня». – «Замолчишь ли ты?» – вскричал Дюпор и ударил меня так, что я упала без памяти.

– Боже мой! Боже мой!

– Когда я пришла в себя, мальчики мои плакали.

– А дочь ваша?

– Он увел ее, – отвечала несчастная мать, рыдая. – Он прибил и увел ее!

– И вы не пожаловались комиссару?

– Я об этом не подумала в первую минуту; я только могла плакать о Катерине...

Скоро все тело мое разболелось... я не могла ходить. Тут я вспомнила, что говорила брату: муж так приберет меня, что мне придется идти в больницу, и тогда что будет с моими детьми?.. Вот я и в больнице: что ж будет с моими детьми?..

– Так во Франции нет правосудия для бедных людей?

– Оно слишком дорого!.. Соседи мои послали за комиссаром. Он пришел с письмоводителем... Мне не хотелось жаловаться на мужа, но мысль о дочери принудила меня... Я сказала только, что во время ссоры за дочь он толкнул меня... Это ничего, но я хочу, чтоб мне возвратили дочь... чтоб не развратили ее.

– Что же отвечал вам письмоводитель?

– Что муж мой имеет право увести дочь, потому что он не разведен со мною; что жаль будет, если моя дочь испортится от дурных советов, но это одни предположения, а нельзя основать жалобы на предположениях. «Требуйте развода, – сказал письмоводитель, – побои, нанесенные вам мужем, его поведение с дурною женщиной, все это послужит в вашу пользу, и вам отдадут дочь... а иначе он имеет право оставить ее у себя». Требовать развода! а у меня нет денег, да еще я должна кормить детей... «Что ж мне делать, – отвечал письмоводитель, – так надобно...» И потому, что так надобно, дочь моя месяца через три будет таскаться по улицам...» (Часть 8-я, стр. 44–52.)

Этого отрывка достаточно, чтоб дать понять об идее «Парижских тайн» даже и не читавшим этого романа, и потому больше выписывать не нужно. Автор водит читателя по тавернам и кабакам, где собираются убийцы, воры, мошенники, распутные женщины, – по тюрьмам, где подозреваемые в преступлении посажены в одну комнату с уличными во множестве преступлений, с безавшими не один раз с галер, – в больницы, где, для пользы науки, бедная женщина должна рассказывать своему

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

доктору, при множестве его учеников, симптомы своей болезни, а после этого, если в ней есть женский стыд, чувствовать усиление болезни, – в дома умиленных, которые, по описанию автора, представляют глазам филантропа более утешительное зрелище, чем все другие общественные заведения, – по чердакам и по подвалам, где скрываются бедные семейства, круглый год бледные от голода и изнурения, а зимою дрожащие от стужи, потому что они не знают, что такое дрова. В этих чердаках и подвалах – жилища нищеты и отчаяния, часто живут высокие добродетели, но еще чаще гнездится разврат и преступление. Но что говорить о тех несчастных, которые сами себя называют детьми мостовой и с малолетства служат предметом спекуляции для подобных им нищих? – Разврат и преступление, так сказать, ждут их на пороге жизни, чтоб схватить в свои когти и повлечь по всем мытарствам побои, голода, обид, презрения, угнетения, наказаний, тюрем, галер, воспитывая в них закоренелых злодеев. Все это составляет содержание романа Эжена Сю. Мысль его – как из этого достаточно видно – благородная и прекрасная; взглянем на исполнение.

С этой стороны «Парижские тайны» являются самым жалким и бездарным произведением. Завязка романа основана на лжи и призраке, какими погнушалась бы в наше время даже сколько-нибудь порядочная мелодрама. И эта ложь, эта призрачность в особенности бросаются в глаза даже самому невзыскательному читателю в герою и героине романа, то есть в его светлости принце Родольфе герольштейнском и ее светлости, единокровной дочери его, Певунье, воспитаннице Сычихи и нахлебнице Яги-Бабы. Оставив свои наследственные владения, в которых видно, по их микроскопической мелкости, его светлости нечего было делать, Родольф живет в Париже, занимаясь таким делом, которое может притти в голову разве только какому-нибудь подрядчику повестей в фельетоне журнала, но которое, слава богу, в наш прозаический век не придет в голову никому, тем менее принцу. Переодетый в блузу работника, Родольф шатается по кабакам и тавернам Сите и дерется там на кулачки с убийцами, ворами и мошенниками, защищая, как истинный дон-Кихот, слабых и невинных, наказывая порок и награждая добродетель. По словам автора, Родольф «отличался красотой, но не мужественною; его бледность, его полужакрытые черные глаза, ленивая походка, рассеянный взгляд, ироническая улыбка показывали человека отжившего век (хотя ему было не более тридцати лет); казалось, он был расслаблен аристократическою невоздержанностью (хотя он легко одолевал страшных бойцов и силачей)». Мы бы никак не догадались о причине победоносности его светлости, если бы наперсник его, Мурф, в разговоре с ним же, не подсказал нам о нем следующих биографических подробностей: «Кребб научил вас боксировать. Лакур передал вам искусство бороться и драться на палках, знаменитый Бертран превратил вас в удивительного бойца на шпагах; вы убиваете ласточку на лету из пистолета; у вас стальные мускулы». Видите ли: все, что нужно для искателя приключений, для дон-Кихота XIX века, для наполнения невозможными и небывальными приключениями пошлого романа вроде шехеразады! Играя в приключения и в опасности, Родольф играет и в добродетель, и в высокие чувства, – и во всех родах этих игр он ужасный эффектор. Освободив Певунью из-под опеки Яги-Бабы, он не сказывает ей этого, везет ее за город будто для прогулки, привозит на свою собственную мызу, и только там Певунья узнает, что она уже не зависит больше от Яги-Бабы и что для нее есть честное и прекрасное убежище, даже добродетельная мать, в особе г-жи Жорж. Все это делается сюрпризом и с эффектами; все это могло иметь преплохие следствия для бедной протеgee, которой злая судьба велела быть предметом эффектного покровительства. Так и случилось: Певунью увезли злодеи, и если Сычиха не испортила ее прекрасного лица купоросною кислотою, так это потому, что для эффекта романа автору нужно было и в гроб положить свою героиню прекрасною. Для этого он придумал чудесное средство: злодею Мастаку послать страшный сон, пробудивший в нем раскаяние, которое и побудило его помешать Сычихе изуродовать Певунью, хотя этого, по слепоте своей, он совсем не был в состоянии сделать. Между тем Певунью поместили в тюрьму, потом выпустили, утопили в реке, спасли, вылечили, – и Родольф ничего этого не знает, за множеством дел. Все это ужасно глупо и пошло, но все еще далеко не конец глупостям и пошлостям романа. Родольфу нужно завладеть Мастаком; но он сам запутывается в своих сетях и должен погибнуть. Однакож не бойтесь: роман только начинается, а Родольфу предстоит еще надделать много разных эффектов. И вот он ухитряется написать в кармане несколько строк и ловко выбросить бумажку за окно кареты, а верный Мурф ловко ее подхватывает. Все это не помешало, однакож, Родольфу полететь в погреб. Там он должен был захлебнуться смрадною водою, на его груди уже спасаются крысы, он уж задыхается, падает без чувств; но не трепещите, читатели, ведь это еще только первая часть романа – впереди целые семь частей, да еще с эпилогом; а куда они годятся, если Родольф не будет в них эффектировать? И вот почему Резака так счастливо, то есть так натянуто, спасает

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

его. Таким же чудом Мурф получает бессмертную рану от руки Мастака, который во всяком другом случае не умеет поражать иначе как насмерть. Суд над Мастаком и ослепление его возбудили негодование в некоторых гуманных французских критиках. И в самом деле, это было бы возмущающею душу картиною, если бы не было смешною мелодрамою, пошлым театральным эффектом. Посмотрите, как затейливы суд и эта казнь! Что ни черта – то мелодраматический фарс. Монолог Родольфа к Мастаку – пародия на любой монолог Шиллерова Карла Моора. Кстати о черном докторе Давиде: как и в его истории выказывается донкихотство Родольфа! Плантатор так гнусно бесчеловечно поступил с негром Давидом и креолкою Сесили, что всякий честный человек не мог не почесть себя вправе спасти их, имея к тому средства. Но Родольф эффектёр; он не любит делать добро просто; он задал себе вопрос, имеет ли он право самоуправно лишать господина слуги? И вследствие этого, он расчел, сколько стоило плантатору воспитание Давида, что стоит раб-негр и раба-креолка, и сонному, пьяному плантатору, в полночь, отдает двойную против расчета сумму. Скажите, бога ради: если вы найдете возможность из берлоги разбойника вырвать попавшегося к нему в плен несчастного, – неужели вы будете рассчитывать, что стоило этому разбойнику содержание его пленника, и заплатите вдвое более против расчета?.. Как эта черта отзывается мешанством и капитализмом, которые законность и справедливость допускают только в денежных делах? И отчего же совестливый и чуждающийся самоуправства Родольф не усомнился почесть себя вправе лишить зрения, конечно, великого злодея, но для кары которого были правительство, законы, эшафот? – Он хотел его лишить возможности делать зло – и дал ему возможность еще надделать зла; он хотел дать ему возможность раскаяться – и в чем же мы видим это раскаяние? неужели в убийстве Сычихи, убийстве, учиненном в исступлении ярости, которое, однакоже, не помешало Мастаку на нескольких страницах читать Сычихе исполненные риторической шумихи монологи, забыв, что Сычихе совсем не до них, а для Хромушки они, как и следовало, были ужасно смешны?..

Таким же точно выказывается Родольф в своих отношениях к маркизе Дарвиль. Маркиз женился на ней обманом, утаив от нее, что он страдает падучею болезнью. С горя она влюбилась в Родольфа, но, как женщина без ума и такта, позволила играть собою графине Саре, которая возбудила в ней недоверчивость к Родольфу и любовь к Шарлю Роберу, набитому дураку. Маркиза решается даже на тайные свидания с этим глупцом, и только одна нерешительность спасает ее от следствий этих свиданий. При последнем ее чуть было не поймал муж; но всезнающий и везде поспевающий Родольф спас ее. В эту-то женщину влюблен Родольф. Он предлагает ей, для рассеяния, делать добро, и она начинает играть в добро. Все это приторно до последней степени.

Но до сих пор Родольф только эффектёр и фразер; мы увидим, что он просто глуп. Он венчается с умирающею Сарою, чтоб иметь право объявить Певунью своею законною дочерью. А для чего это? И что за принцесса, что за владетельная княжна, окруженная статс-дамами и фрейлинами, – Певунья, воспитанница Сычихи, девушка шестнадцати лет, всю жизнь проведенная с ворами и мошенниками, растленная и оскверненная всею грязью порока, хотя и невольного и бессознательного, но тем не менее порока? К лицу ли ей, возможна ли для нее роль владетельной княжны? Не лучше ли, не естественнее ли было бы, если б Родольф оставил ее на руках г-жи Жорж или, уж если ее убивало присутствие людей, знавших о прежней ее жизни, найти ей уголок в Германии и видеться с нею инкогнито, как с своею дочерью?.

Теперь, что за лицо эта Певунья? Сначала, в трактире, с Родольфом и Резакою, она довольно естественна и даже интересна; но когда она вдруг освобождается от грязи, в которой более десяти лет топтали ее ногами убийцы, воры и мошенники, и вдруг, ни с того, ни с сего делается «девою идеальною» и «неземною», она перестает быть естественною и делается пошлою, скучною. Мы не спорим против того, что сердце ее было чисто по своей натуре; что она способна была к раскаянию и страданию при мысли о прежней жизни; но все это должно было проявиться в ней естественно, без идеальничанья; на ее жизни навсегда должны были остаться следы грязи, которой не смыли бы воды целого океана. А ей, видите ли, довольно было рукомыничка водицы, чтоб сделаться чище голубки, невиннее младенца. Какая пошлая натяжка! И потому нелепее, пошлее, приторнее, натянутее и скучнее эпилога к роману, где действие перенесено в Герольштейн, ничего нельзя вообразить. В сравнении с этим эпилогом, даже «Семейство», чувствительный роман Фредерики Бремер, кажется чем-то сносным!

Между тем на этих двух неестественных и невозможных во всех отношениях лицах основано все здание романа. Почему вместо их автор не придумал лиц интересных,

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
но возможных, происшествий занимательных, но простых? Потому, что для этого нужен был талант, и притом большой талант, ибо истинно изящное просто и естественно. А у доброго Эжена Сю дарования может хватить на какую-нибудь повесть вроде «Полковника Сюрвиля» – не больше; взявшись за что-нибудь большее, он по необходимости должен стать на ходули и впасть в мелодраму.

Мы не видим достаточной причины, почему бы Певунья непременно должна была оказаться дочерью немецкого князя. По крайней мере из этого ничего не вышло, кроме сентиментального вздора и пошлых эффектов. Явно, что автор в этой завязке рассчитывал на чувствительных читателей, которые любят в романах необыкновенные столкновения, особенно родственные, годные только для наполнения пустоты романа, чуждого всякой концепции, всякого творчества.

Г-жа Жермен и сентиментальный, безличный и безобразный сын ее – лица совершенно лишние в романе. Между тем из желания Родольфа отыскать жермена вытекают в романе все до пошлости чудесные похождения его.

Мастак, Сычиха, Полидори, Сесили – лица неестественные и невыдержанные. Что они такое, по мысли автора? Чудовища ли природы, или жертвы воспитания и других неотразимых причин? Но в первом случае не следовало бы автору быть столь щедрым на такие редкие произведения природы; а во втором – показать нам причины их искажения и найти в их душах хотя какие-нибудь следы человечности, как он показал их в Резаке. Что это лица мелодраматические, сшитые на живую нитку, довольно привести для доказательства одну черту. Полидори, которого Родольф принуждает быть палачом феррана, говорит ему: «Князь наказывает преступление преступлением, сообщника – сообщником... Я не должен покидать тебя, по его приказанию; я возле тебя, как тень... Я заслужил эшафот, как ты...» и проч. Подумаете, это говорит обратившийся на путь заблудший человек, – ничуть не бывало: это говорит нераскаянный изверг, отравитель, убийца, вор, все, что угодно... И это поэзия, творчество! Нет, это просто шехеразада! Лучше всех этих извергов очерчен Жак ферран. Самая мысль – изобразить гнусного злодея, пользующегося в обществе репутациею нравственного человека, достойна внимания; но автор не выдержал ее, перехитрил, принес ее в жертву великому господину Родольфу – и вышла мелодрама! Безумная любовь феррана к Сесили кажется ужасною натяжкой и не возбуждает в читателе ни доверия, ни интереса. Полидори, умирающий от ядовитого кинжала Сесили, и Родольф, спасающийся от той же смерти, – эффект. Лучше всех других злодеев изображены – вдова Марсиаль (не везде, впрочем, выдержанная), дочь ее Тыква (очень хорошо очерченная) и Скелет. Графиня Мак-Грегор обрисована довольно удачно, хотя и переутрирована; но братец ее Том очень похож на болвана, с которым играют в вист, когда недостает четвертого. Он потому только вертится в романе, что без него Саре нельзя таскаться по кабакам и харчевням...

Что же, спросят нас, неужели в «Парижских тайнах» нет ничего хорошего, и есть только одно дурное? Нет: в целом, этот роман – верх нелепости, но частности в нем недурны. Таковы характеры – Резаки (впрочем, невыдержанный), Марсиаля и особенно Волчихи, Пик-Винегра, Риголетты, доктора Грифона, г. и г-жи Пипле. Недурны некоторые эпизоды, как то: рассказ в тюрьме Пика-Винегра, страдания баронессы фермон и ее дочери, картина страдания семейства Морель, история Луизы, сцены на острове Грабителя. Но все это не более, как недурно, и во всем этом виден не даровитый живописец-творец, а ловкий ученик Академии, набивший руку, присмотревшийся к картинам мастеров и кое-как умеющий сплеча чертить фигуры, иные так себе – недурные, а иные очень плохие, и никогда не умеющий написать ничего полного и стройного. Многие, что в русском писателе показалось бы талантом, во французском – не более как образованность, навык, привычка. Язык французский до того выработан, что редкий француз не умеет прекрасно владеть им; стихии общественной жизни до того разнообразны и определены, что есть откуда брать готовые материалы для сочинений – умеи лишь копировать хорошо; литература французская до того богата, что всякому легко блистать чужим умом и чужим талантом, при небольшом количестве своих собственных.

Но в целом, повторяем, роман Эжена Сю – верх нелепости. Большая часть характеров, и притом самых главных, безобразно нелепа, события завязываются насильно, а развязываются посредством *deus ex machina*[5]. Мы уже говорили о том и другом; прибавим еще несколько черт касательно последнего. Многочисленные действующие лица поставлены в насильственные отношения друг к другу. Так, например, Полидори развращает Родольфа в его юности, помогает Саре Мак-Грегор, – и он же помогает потом г-же Ролан отравить графиню Дорбиньи, мать маркизы

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Дорвиль; сверх того, он сообщник Жака Феррана во всех его злодеяниях и участвовал в погублении семейства Фермон: видите ли, какой гордиев узел разных хитросплетений! Но всезнающий, вседеуспевающий, великий Родольф не хуже Александра Македонского справляется с этим узлом. Случайная покупка комода на толкучем рынке и попавшееся в нем письмо наводят Родольфа на следы баронессы Фермон; а квартира в доме Красной Руки дает ему возможность напасть на следы Полидори, которого он узнает в ложном Брадаманти, и во-время послать Мурфа в Нормандию для спасения глупого графа Дорбиньи от яда. В самом деле, опоздай маркиза Дорвиль с Мурфом хоть минутою, – граф Дорбиньи был бы отравлен. Таким же точно образом Родольф успел заблаговременно узнать о злодейских умыслах Скелета и других преступников на жизнь Жермена; кстати воротился тут Резака, о котором Родольф думал, что он уже в Африке, и очень успешно и еще более эффектно защитил Жермена. Смерть самого Резака воспоследовала также очень эффектно: во-первых, он умер за своего благодетеля и, во-вторых, умер от ножа, которым сам убивал других. Отчего же Мастак не погиб от ножа и даже нашел себе верное пристанище в доме умалишенных? За раскаяние? – но ведь Резака тоже раскаялся, и еще искреннее, не говоря уже о том, что он никогда не был таким извергом, как Мастак? Отчего же Сычиха погибла от рук, а не от кинжала, которым она в этот же день смертельно ранила графиню Сару Мак-Грегор? А знаете ли, зачем она ее ранила? – затем, чтоб дать Родольфу возможность жениться на маркизе Дорвиль. Затем же застрелился и маркиз Дорвиль... Как все это пошло!

Некоторые смотрят на «Парижские тайны» как на дидактический роман и доказывают ими возможность и законность дидактического рода поэзии. «Парижские тайны» действительно – роман дидактический, но он-то именно и доказывает невозможность и незаконность дидактического рода поэзии. Однакож – скажут нам – этот роман достиг своей цели. Правда, он заставил общество потолковать несколько времени о народе – до новой новости; может быть, даже, что вследствие его французские законодатели поторопятся подумать о каких-нибудь способах к улучшению участи несчастных бедняков – и в таком случае, роман полезен; но тем не менее он все-таки не роман, а сказка, и притом довольно нелепая. Если б кто-нибудь, узнав о тайном убийстве, написал повесть, которая навела бы полицию на следы преступления, – поступок был бы прекрасен, а повесть была бы плоха, и все помнили бы случай, а повесть тотчас же забыли бы. Такая же участь ожидает и «Парижские тайны». Теперь пишутся уже «Лондонские тайны», {8} – и, кто знает, может быть, год-другой все литературы и все театры завялятся тайнами и нетайнами разных городов, благодаря торговому стремлению разных мелкотравчатых писак! Но в таком случае нелепость пожрет сама себя и погибнет от своего собственного излишества, а о «Парижских тайнах» через год ничего не будет слышно, словно канут они в воду. Такова судьба всех дидактических произведений! Жорж Занд не сделала романа из истории фаншеты: она описала в своем журнале дело, как оно было, но результаты этой небольшой статейки будут посущественнее результатов всевозможных «Парижских тайн». {9}

Нельзя не удивляться бездарности Эжена Сю, когда читаешь его «Парижские тайны»: в них так и виден выписавшийся сочинитель, какие есть и у нас, на святой Руси. Мы сказали, что завязка и ход его романа – верх нелепости, и что же? – мысль этой завязки и вообще весь характер его романа не ему принадлежат. «Парижские тайны» – неловкое и неудачное подражание романам Диккенса. Этот даровитый английский писатель довольно известен у нас в России; все читали его «Николая Никльби», «Оливера Твиста», «Бэрнеби Роджа» и «Лавку древностей»: стало быть, всякий может сам поверить справедливость нашего замечания. Большая часть романов Диккенса основана на семейной тайне: брошенное на произвол судьбы дитя богатой и знатной фамилии преследуется родственниками, желающими незаконно воспользоваться его наследством. Завязка старая и избитая в английских романах; но в Англии, земле аристократизма и майоратства, такая завязка имеет свое значение, ибо вытекает из самого устройства английского общества, следовательно, имеет свою почву действительность. Притом же Диккенс умеет пользоваться этою истасканною завязкою, как человек с огромным поэтическим талантом. Во Франции теперь подобная завязка не имеет никакого смысла, и потому бедный Эжен Сю принужден был в благородные отцы ангажировать немецкого владетельного князька. Мы уже видели, как умно и правдоподобно умел он развить эту пошлую завязку. Злодеи, воры и мошенники, равно как и сцены нищеты в романе Эжена Сю, – тоже плохие копии с мастерских, дышащих страшно истинною действительностью и художественною жизнью картин Диккенса. Но особенно злодеи Эжена Сю смешны и жалки в сравнении с злодеями Диккенса. Отчего же ни один из романов сильно даровитого Диккенса не имел и сотой доли того успеха, каким воспользовался роман почти бездарного Эжена Сю? На это есть две причины, из которых одна делает честь Диккенсу, а другая

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Эжену Сю. Во-первых, толпа любит больше такие произведения, которые ей по плечу, и хотя Диккенс не принадлежит к числу великих поэтов, однако его талант все-таки выше разумения и вкуса толпы. Во-вторых, Диккенс – англичанин, а Эжен Сю – француз. Как истинный англичанин, Диккенс исполнен сухого, фарисейского морализма нации, привыкшей подчинять справедливость политике, а нравственность – общественным выгодам. Как истинный художник, Диккенс верно изображает злодеев и извергов жертвами дурного общественного устройства; но, как истинный англичанин, он никогда в этом не сознается даже самому себе.

Как француз, Эжен Сю не чужд симпатии к падшим и слабым. Гуманность и человеколюбие – одна из самых резких черт национального характера французов. Это отразилось с большею или меньшею силою и истиною в «Парижских тайнах». Если Сю нарисовал несколько отвратительных и неправдоподобных чудищ, каковы Мастак, Сычиха и Полидори, – это для мелодраматического успеха, столь несомненного в расчетах на толпу; но в других злодеях автор старался показать неизбежных жертв недостатков французского общественного устройства. Дети, брошенные на мостовую, попавшиеся во власть грубых и жестоких промышленников, не могут не говорить без восторга о славном житье их в тюрьме!.. Чего же хотите вы от них? И какое имеете вы право считать себя лучше их и строго судить их? Разве вы уверены, что, при подобном образе жизни в лета детства, вы остались бы людьми честными и нравственными? Преступника казнили за убийство – и его семейству, не участвовавшему в преступлении, нет прохода на улице от оскорбительных восклицаний и упреков; ему нет работы, нет средств к существованию: ему остается или умереть голодною смертью, или приняться за воровство, а потом за убийство... Вот вопросы, которые расшевелил Эжен Сю в своих «Парижских тайнах», и этим-то вопросам обязан его роман своим необыкновенным успехом.

Но все-таки тут не меньшую роль играет и та причина, о которой мы говорили выше. Назначение гения – проводить новую свежую струю в поток жизни человечества и народов. Но брошенная гением идея принималась бы слишком медленно, если б не подхватывали ее на лету таланты и дарования, роль и назначение которых – быть посредниками между гениями и толпою. Даже искажая и делая пошлою мысль гения, они тем самым приближают ее к понятию толпы. Напиши Эжен Сю свой роман без мелодраматических прикрас, просто, естественно, с строгою верностью действительности, – его оценили бы только те, для которых заключенная в нем идея отнюдь не новость, и его не прочли бы именно те, для которых эта идея совершенная новость. Разумеется, Эжен Сю не мог бы лучше написать, если б и хотел, но потому-то и успел он, что талант его по плечу десяткам и сотням тысяч читателей, и потому эти десятки и сотни тысяч читателей теперь думают о том, о чем прежде не думали, и знают то, чего прежде не знали.

Примечания

«Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, № 4, отд. V, стр. 21–36 (ценз. разр. около 30 марта 1844). Без подписи.

Роман Эжена Сю «Парижские тайны» появился в полном переводе на русский язык в 1843 году, в «Репертуаре». В обзоре «Русская литература в 1843 году» Белинский, отмечая факт огромного успеха романа как во Франции, так и у русского читателя, обещал подробнее поговорить о нем в отделе критики. Настоящая статья и является выполнением этого обещания.

Статья ярко выражает социалистические убеждения Белинского. Написанная в острой публицистической форме, она в значительной своей части посвящена вопросам социальной истории Франции первых десятилетий XIX века.

Отмечая громадный успех романа Сю, этой «европейской шахерезады», Белинский беспощадно разоблачает торгашеский дух современной ему французской буржуазной литературы, ее рептильность, ее подчиненность интересам мещанства. С едкой иронией критик пишет о том, что в буржуазном обществе универсальный мериллом гения, таланта стали деньги. В прежние времена гениальные люди оканчивали свое поприще на кофре, теперь они покоятся на мешках с золотом. Прозаичность – вот основная черта искусства буржуазного общества. Интересы мещан определяют направление и характер литературы. Жюль Жанен начал свой писательский путь с прогрессивных произведений, а закончил продажными фельетонами. Эжен Сю в молодости принадлежал «к сатанинской школе литературы», а теперь, когда разбогател, стал проповедывать мораль мещан.

Объясняя «местные и исторические причины» успеха «Парижских тайн», Белинский с Исключительной остротой набрасывает характеристику французской буржуазной революции 1830 года, в ходе которой французский народ «в слепом и безумном самоотвержении» одержав победу, проложил дорогу мещанству, тем «представителям нации», которые по трупам Трудящихся ловко дошли до власти и оттерли от нее всех честных людей. Положение народа после июльских событий «не только не улучшилось, но значительно ухудшилось, против прежнего. А между тем, – саркастически замечает критик, – вся эта историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа!»

Белинский глубоко раскрывает бесправное положение французского пролетария, на которого собственник смотрит «как плантатор на негра», между тем перед законом они «равны». «Хорошо равенство!» – восклицает критик. И он делает исторически правильный и глубокий вывод: «Народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал».

Однако народ не застыл в неподвижности. Уроки последних событий его многому научили. Народ узнал «конституционную мишуру в ее истинном виде», и он уже не будет так бесцельно проливать своей крови. В его среде появились свои поэты, которые «указывают ему его будущее».

Народ «один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях образованного общества».

Историческое развитие идет к тому, что народ будет играть все более и более значительную роль в общественных событиях.

Глубочайшая вера в духовную мощь и силы народа, которому принадлежит будущее, – наиболее существенная черта политических взглядов демократа Белинского.

Белинский дает блестящую по своей идейной глубине характеристику французского романиста, его эволюции от «поддельного байронизма» к идеологии мещанства. Сю «почтенный мещанин в полном смысле слова, филистер конституционно-мещанской гражданственности»... В своем романе он показывает «очень ловко» картины разврата и преступлений, характерные для современного французского общества, но Сю и «не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества».

Таким образом Белинский, как впоследствии и Маркс в «Святом семействе», раскрывает идейное убожество романа «Парижские тайны», разоблачает буржуазный реформизм Сю. Маркс указывал, что для конструирования теоретических посылок в своем романе Сю использовал жалкие отбросы социалистической литературы, что его роман – хотя фурьеристы и считали Сю своим единомышленником – не имеет прямого отношения к классикам социалистически-утопической мысли.

Ложные идеи обусловили и художественную слабость романа. Попытка изобразить главного героя Родольфа в роли народного заступника является в самой основе ложной, в реальной жизни народ имеет других истинных защитников своих интересов. «Завязка романа основана на лжи и призраке», – отмечает критик. Герои и героиня – лица «неестественные и невозможные». Сю на многих страницах своего романа впадает в мелодраму. Роман насыщен сентиментальным вздором и пошлыми эффектами. «Большая часть характеров, и притом самых главных, безобразно нелепа, события завязываются насильно, а развязываются посредством *deus ex machina*», – такова сущность глубоко отрицательной оценки романа Сю Белинским.

В оценке Сю великий русский критик сближался с Марксом, выступившим в «Святом семействе» (1845) против Шелиги, который на страницах «Всеобщей литературной газеты» превознес роман Сю как социальное откровение. Маркс показал, что Сю, как истый мещанин, «из желания угодить буржуазии» исказил в своем романе социальную действительность Франции, что его роман населен не живыми людьми, а бледными носителями идей добра и зла. Маркс своим анализом снимает с «критически реформированных» образов людей из народа толстые слои мещанского грима, грубо искажавшие их черты, и возвращает персонажам «Парижских тайн» их реальный человеческий облик. Это было под силу только Марксу, непосредственно наблюдавшему жизнь парижского пролетариата и уже прозревавшему в будущем его историческую роль могильщика капитализма. Белинский жил в условиях крепостной России и поэтому не мог подняться до глубочайших социальных обобщений Маркса.

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Тем не менее его статья резко выделяется на фоне огромной критической литературы, посвященной роману Сю, своей глубокой революционно-демократической идейностью.

А. И. Герцен, еще не избавившийся от «буржуазных иллюзий в социализме» (Ленин), был недоволен резкой оценкой Белинским французской революции 1830 года. В сентябре 1844 года он записал в своем дневнике: «А propos. В «Allgemeine Zeitung» выписка из статьи Бел<инского> о «Парижских тайнах», и именно они напали на то, что меня остановило; у нас нельзя таким образом хвалить сытость (тем более что и она очень апокрифна) и ругать революцию 30 года... Опять impasse (тупик. – Ред.), опять бросит он на себя подозрение в сервильности» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 351).

Белинский предвидел, что его статья вызовет недовольство в кругах русских поклонников Сю, но это его не смущало. В библиографической заметке, помещенной в том же номере «Отечественных записок», он писал: «На нас будут нападать и прямо, и косвенно, и бранью, и намеками. В добрый час! Мы почитаем свое мнение о «Парижских тайнах» безусловно справедливым, иначе не высказали бы его так решительно и резко» («Отечественные записки», 1844, кн. IV).

Сноски

1 «Собор Парижской Богоматери». – Ред.

2 Проделку, трюк. – Ред.

3 Бывшего. – Ред.

4 «Парижские тайны». – Ред.

5 Здесь в смысле – неожиданно. – Ред.

Комментарии

1 Резкая оценка Гюго определялась общим отрицательным отношением Белинского к французскому романтизму как к течению, являвшемуся лишь «реакцией псевдоклассицизму».

2 Суждение Белинского о Бальзаке, которого критик относил к группе французских романтиков, исторически не точно. Он выразил здесь широко распространенное мнение современной ему критики, исходившей в своей отрицательной оценке Бальзака из известного охлаждения читателей к его произведениям, которое, однако, было временным.

3 Белинский имеет в виду журнал «Библиотека для чтения» (1844, т. XIII, отд. VI; т. XVI, отд. VI) и газету «Северная пчела». «Северная пчела» в номере от 20 марта 1843 года в отделе «Смесь» писала о «гениальном» Евгении Сю: «В отношении к искусству Евгений Сю не написал ничего лучше. Тут он истинно великий художник».

4 «Отечественные записки», 1843, т. XXIX, отд. VII, стр. 12–18.

5 Намек на Сенковского («Библиотека для чтения»). Ср. в «Речи о критике», т. VII, стр. 307.

6 Французская хартия – конституция 1814 года, представлявшая широкие политические права земельной аристократии и крупной буржуазии. Изменение этой конституции королем в 1830 году в пользу крупных землевладельцев явилось одной из причин июльской революции.

7 Намек на социалистов-утопистов.

8 «Лондонские тайны» – роман Тролоппа (Поль Феваль), в 1845 году вышел отдельным изданием (см. оценку этого романа в статье Белинского «Русская литература в 1844 году» в наст. томе).

9 «История фаншеты» заключается в следующем: в монастырский приют была привезена психически ненормальная девочка фаншета. Монахини изгнали ее из приюта. Через

Парижские тайны. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
некоторое время девочка была найдена в каком-то притоне больной и беременной, и монахини должны были быть судимы. Но власти решили замять это скандальное дело, что и послужило поводом для выступления Жорж Занд в печати. Ее две статьи появились сначала в газете «Revue Independante» (1843 г., 25 октября и 25 ноября), а затем в отдельном издании.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!